

ЭФФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ И СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РОССИИ

К.В. Корсаков^{1, 2}

¹ Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 марта 2018 г.

Дата принятия в печать

7 июня 2019 г.

Дата онлайн-размещения

4 июля 2019 г.

Ключевые слова

Преступность мигрантов;
предупреждение преступности;
причины и условия преступности;
криминологическая профилактика;
личность преступника-мигранта

Финансирование

Поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований проект № 17-03-50021 «Научное изучение проблем социальной адаптации, интеграции и аккультурации трудящихся-мигрантов в Российской Федерации»

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной в настоящее время криминологической проблеме, связанной с большими объемами недостаточно контролируемой и нелегальной внешней трудовой миграции в Российскую Федерацию, представляющими значительную угрозу ее национальным интересам и общественной безопасности. Автором приводятся и анализируются современные статистические данные о качественно-количественных параметрах преступности трудящихся-мигрантов в России и иные криминологически значимые ее характеристики, выделяются и описываются экономические, психологические, правовые и социально-политические предпосылки и факторы преступности работников-мигрантов, находящихся на российской территории. Отмечается, что в современном российском обществе заметно усилились криминогенные явления и процессы, порождающие неприязненно-агрессивное поведение и нетерпимость по отношению к трудящимся-мигрантам, которые резко обостряют как криминальный фон, так и межнациональные и межконфессиональные конфликты, а также увеличивают уровень бытовой ксенофобии, мигрантофобии и национализма со стороны автохтонного населения. В статье обращается внимание на тот факт, что криминогенные факторы в сфере трудовой миграции во многом связаны с заметно низкой степенью общественной адаптации, аккультурации и интеграции трудящихся-мигрантов в российскую социально-культурную среду ввиду недостаточного знания рабочими-мигрантами русского языка, истории и культуры страны, основ российского законодательства, сложившихся обычаев и устоявшихся традиций в сфере социального общения, отсутствия масштабного и постоянного межкультурного диалога и продуктивного информационного взаимодействия, проработанных и обеспеченных необходимыми ресурсами государственных и муниципальных проектов и программ, направленных на социализацию, успешное интегрирование и социальную поддержку трудящихся-мигрантов. В данной связи автором предложены новые, эффективные и оптимальные антикриминогенные направления и форматы интеграционной и адаптационной деятельности в отношении трудящихся-мигрантов, проживающих и работающих в Российской Федерации, способные повысить степень их законопослушания, общей и правовой культуры, ответственного отношения к социальным нормативам, а также обозначены перспективные меры общего и специального предупреждения преступлений, совершаемых внешними мигрантами.

EFFECTIVE FORMS AND MEANS OF PREVENTING CRIMINAL ACTIVITY OF MIGRANT WORKERS IN RUSSIA

Konstantin V. Korsakov^{1, 2}

¹ Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, the Russian Federation

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, the Russian Federation

Article info

Received

2018 March 3

Accepted

2019 June 7

Abstract. The article is devoted to an urgent criminological problem connected with the insufficiently controlled and illegal external labor migration into the Russian Federation, which poses a considerable threat to its national interests and public safety. The author presents and analyzes new statistical data regarding the qualitative and quantitative characteristics of crimes committed by labor migrants in Russia as well as their other criminologically relevant characteristics, he singles out and describes

Available online
2019 July 4

Keywords

Crimes of migrants; crime prevention; causes and conditions of crime; criminological prevention; identity of the offender-migrant worker

Acknowledgements

The project «Scientific Study of the Problems of Social Adaptation, Integration and Acculturation of Migrant Workers in the Russian Federation» № 17-03-50021, supported by the Russian Foundation for Basic Research

economic, psychological, legal and socio-political prerequisites and factors of crimes committed by labor migrants in Russia. It is noted that modern Russian society is characterized by worsening criminogenic situation and processes that lead to hostile and aggressive behavior and intolerance towards labor migrants, which exacerbates both the criminal situation and the interethnic and interfaith conflicts and increases the manifestations of everyday xenophobia, migrant phobia, and nationalism from the locals. The author draws attention to the fact that criminogenic factors in the labor migrants' environment are mainly connected with a low degree of social adaptation, acculturation and integration of labor migrants into the Russian social and cultural environment due to their poor knowledge of the Russian language, history and culture, the basics of Russian legislation, traditions and customs of social interaction, the absence of a substantial and constant intercultural dialogue or productive information exchange, comprehensive and resourced state and municipal projects and programs aimed at the socialization, successful integration, and social support of labor migrants. In this connection, the author suggests new, effective and optimal anti-criminogenic directions and formats of integration and adaptation work with labor migrants living and working in the Russian Federation that could improve their law abidance, general and legal culture, responsible attitude to social norms; the author also outlines prospective measures of general and special prevention of crimes committed by external migrants.

Проблемы, связанные с внешней трудовой миграцией в Российскую Федерацию, в текущий момент все чаще стали попадать в орбиту научно-исследовательского поиска многих отечественных ученых — криминологов, социологов, демографов и юристов [1–3], и одной из основных причин этого является неумещающееся число преступных посягательств, ежегодно совершающихся на территории России трудящимися-мигрантами, в большом количестве приезжающими в наше государство с целью заработка преимущественно из бывших республик Союза ССР.

Внимательный анализ современной криминологической конъюнктуры, включающий учет совершенных в течение последних лет актов терроризма (в частности, террористического акта в метрополитене Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г. и др.), а также иных особо тяжких преступлений против личности и общественной безопасности и общественного порядка, позволяет говорить о том, что преступность трудящихся-мигрантов и иностранных граждан, прибывших в Россию и находящихся в ее пределах под видом таковых, давно уже превратилась в острую, злободневную и актуальную криминологическую и социально-юридическую проблему современности, вставшую перед обществом и государством «во весь рост».

Российские криминологи фиксируют в наши дни новый стремительный виток цикла преступности трудящихся-мигрантов, пик которого имел место в нашей стране с 1995 по 2005 г. и снизился в период с 2006 по 2014 г. [4, с. 20]. Преступная активность мигрантов разрастается на фоне

усложнения социально-экономической и религиозно-политической ситуации, усиления и разрастания деятельности международных криминальных организаций как экстремистской, так и общеуголовной направленности [5, с. 18].

В последнее время в структуре преступности трудящихся-мигрантов помимо преступных актов, совершенных выходцами с Украины, из Молдавии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Белоруссии и Казахстана, обеспечивающих наибольший приток внешних мигрантов, заметно выделились преступления, совершенные вьетнамцами, корейцами, китайцами, сирийцами, курдами, езидами, а также иностранцами, прибывшими с целью получения высшего образования в ведущих российских вузах (МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН и т.д.) из африканских и арабских стран, у которых обучение было закончено либо прервано, а срок регистрации в России истек.

К числу основных детерминантов преступности трудящихся-мигрантов в России можно отнести низкие образовательно-культурный уровень и степень материальной обеспеченности последних (в наши дни большинство российских работников-мигрантов являются выходцами из аграрных и слабо развитых в экономическом и инфраструктурном отношении провинциальных районов республик Средней Азии), трудности в социальной интеграции, адаптации и межнациональные, конфессиональные, социально-бытовые противоречия и конфликты, маргинализацию и неудовлетворительные условия труда мигрантов, которые повсеместно являются тяжелыми, скудными, антисанитарными, плохо

оплачиваемыми [6, с. 87–88], а также идеологическую, прозелитскую и пропагандистско-агитационную деятельность лидеров, эмиссаров, вербовщиков, агентов и других представителей целого ряда деструктивных радикальных и экстремистских формирований, запрещенных в Российской Федерации.

Катализатором процесса криминализации трудящихся-мигрантов в России выступает то, что под видом работников-мигрантов в настоящее время в нашу страну почти беспрепятственно приезжают эмиссары, вербовщики и пропагандисты различных запрещенных в России и других государствах мира ультрарадикальных и экстремистских преступных объединений, бандитских формирований и террористических организаций, таких как «Исламское государство» (ИГИЛ, ДАИШ), «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир», «Братья-мусульмане», а также организаторы, руководители и рядовые участники деструктивных тоталитарных сект, представители общественно опасных фундаменталистских религиозных течений (ваххабиты, участники движения «Талибан», иеговисты, муниты и т.д.), наркоторговцы и объявленные в розыск на родине особо опасные преступники и рецидивисты.

Даже будучи задержанными, осужденными за свои преступления и помещенными в российские места лишения свободы, они не прекращают своей подрывной агитационно-пропагандистской деятельности, настойчиво и активно распространяя экстремистские, радикальные идеи и идеологические принципы среди верующих осужденных, преимущественно мусульманской веры, создавая для администрации и персонала исправительных колоний множество проблем, связанных с устранением их влияния на других осужденных в условиях гарантированных международными правовыми актами, Основным законом России и другими законами свободы вероисповедания и прав осужденных на отправление религиозных культов [7, с. 101]. С такими острыми проблемами сталкиваются работники не только российской пенитенциарной системы, но и аппарат многих зарубежных уголовно-исполнительных систем, в частности британской и североамериканской [8, р. 219; 9, р. 121], так как в тюрьмах и колониях Великобритании и США, занимающих сегодня первое место по количеству заключенных, также содержится большое число религиозных экстремистов и террористов, которые мигрировали в эти страны из государств исламского мира.

Благодаря наличию устойчивых, законспирированных и разветвленных коррупционных сетей и при соучастии либо попустительстве некоторых представителей власти такими иностранцами и апатридами нелегально получают разрешительные и учетно-регистрационные документы, справки, патенты и российское гражданство. В частности, у фигурантов уголовного дела по факту террористического акта, осуществленного 3 апреля 2017 г. в метрополитене Санкт-Петербурга, были изъяты неправомерно полученные ими документы, дающие право проживать и работать в Российской Федерации, в том числе незаконно выданные им российские паспорта. Борьба с такого рода преступлениями ведется в паллиативном ключе. Например, в Уральском федеральном округе по ст. 292.1 УК РФ («Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации») за прошедшие три года было возбуждено и дошло до суда всего восемь уголовных дел. Как и все коррупционные преступления в целом, такие деяния отличает высокая латентность, завуалированный характер криминальной деятельности, затрудняющие обнаружение последней, однако отечественные органы госбезопасности и специальные подразделения внутренних дел наделены необходимыми средствами, методиками и приемами выявления и расследования таких преступных посягательств, и их работа, думается, должна быть в этом направлении более активной и старательной.

Проникнув на территорию России под видом легальных работников-мигрантов, обозначенные выше категории преступников разнообразными способами и приемами вовлекают в противозаконную экстремистскую и террористическую активность не только российских граждан, но и большое число трудящихся-мигрантов, особенно глубоко верующих и посещающих религиозные культовые заведения, неопитов или же активно интересующихся вероучениями.

Описанный нами криминогенный фактор опасен не только тем, что он увеличивает интенсивность преступности в среде трудящихся-мигрантов, но и тем, что порождает неприязненное отношение части автохтонного населения нашей страны ко всем трудящимся-мигрантам безотносительно их причастности к террористической либо иной преступной деятельности [10, с. 118], усиливает проявления ксенофобии,

мигрантофобии, национализма и шовинизма в современном российском обществе, крайне негативно сказывается на межнациональных и межконфессиональных отношениях. Итоги проведенных в последние годы социологических опросов демонстрируют, что до 75 % россиян считают трудящихся-мигрантов причиной высокой криминализации общества, а также фактором повышенной террористической угрозы [11, с. 32]. Проведенный нами на условиях конфиденциальности социологический опрос 700 жителей Челябинской области и 700 жителей Пермского края — граждан Российской Федерации по поводу их отношения к трудящимся-мигрантам и взаимодействия с ними также выявил, что 72,8 % респондентов негативно относятся к иностранным работникам (гастарбайтерам), считая их своими конкурентами на рынке труда и потенциальными преступниками.

Полученные нами данные уголовной статистики по Свердловской и Курганской областям за 2012–2017 гг. говорят том, что удельный вес трудящихся-мигрантов в общем количестве выявленных преступников за темпоральный отрезок с 2012 по 2017 г. остается довольно высоким: 11,3 % в 2012 г., 13,1 % в 2013 г., 12,8 % в 2014 г., 9,8 % в 2015 г., 12,4 % в 2016 г. и 11,8 % в 2017 г. При этом среди преступников-мигрантов преобладают молодые мужчины (в возрасте от 25 до 35 лет) с низким уровнем образования и поведенческой культуры. В целом же за последние пять лет криминальная активность пребывающих в нашей стране трудящихся-мигрантов выросла на 11 %. И если в начале 90-х гг. последние совершали в среднем около 30 тыс. преступлений в год (без учета латентных преступлений, увеличивающих эту цифру в 3–4 раза), в середине 2000-х гг. ежегодных преступлений такой категории насчитывалось уже порядка 50 тыс., то сейчас их количество приблизилось к отметке в 60 тыс. в год [4, с. 21].

Собранная в ходе эмпирических исследований информация (всего нами было изучено 208 уголовных дел, находившихся в производстве следственных органов и органов дознания подразделений полиции и Следственного комитета России в Екатеринбурге, Верхней Пышме и ряде других городов Свердловской области) свидетельствует о том, что наиболее часто трудящиеся-мигранты совершают такие преступления, как кражи, грабежи, разбои, изнасилования, причинение вреда здоровью, сбыт и хранение наркотиков и контрабанда.

При сборе эмпирических данных мы пришли к выводу о том, что следует улучшить используемые формы отчетности в части их структуры, чтобы сведения о преступлениях внешних мигрантов можно было классифицировать по разным типам (преступления, совершенные иностранцами, преступления, совершенные апатридами (лицами без гражданства), преступления, совершенные трудящимися-мигрантами, и преступления, совершенные вынужденными мигрантами (беженцами, вынужденными переселенцами и т.д.)). Такие изменения позволят производить более глубокий криминологический анализ и более четко описывать структуру преступности.

Сложившаяся практика предупреждения преступности трудящихся-мигрантов показывает, что основными, преобладающими средствами в этой сфере уже долгое время выступают ресурсы и меры уголовно-правового характера, а именно уголовное наказание, причем связанное с изоляцией человека от общества. Криминологический анализ обвинительных приговоров, вынесенных в отношении мигрантов, совершивших преступления на территории Курганской и Свердловской областей (всего нами было изучено 68 судебных приговоров по уголовным делам данной категории), свидетельствует, что наиболее распространенным видом уголовного наказания, назначаемого преступникам из числа трудящихся-мигрантов, в настоящее время является лишение свободы — 89,4 % от общего числа назначенных судами наказаний.

Это связано с тем, что определенная часть уголовных наказаний в нашей стране по-прежнему не может быть назначена ввиду отсутствия необходимых для них условий: речь идет об аресте и принудительных работах, для исполнения которых не построено и не оборудовано необходимое количество арестных домов, исправительных центров и иных пенитенциарных заведений, где бы они могли отбываться. Во-вторых, исправительные работы не назначаются мигрантам ввиду отсутствия у них на момент осуждения основного места работы (легальной и официальной) и места жительства (также законного и официального); уголовное наказание в виде обязательных работ не избирается по тем же причинам и по причине больших трудностей, которые уголовно-исполнительные инспекции испытывают в поиске мест и объектов для этого безвозмездного и общественно полезного труда (число подходящих для него местных муниципальных предпри-

ятий в России невелико, а частные предприятия, коммерческие организации и индивидуальные предприниматели массово отказываются помогать в решении данного вопроса). В-третьих, уголовное наказание в виде штрафа назначается крайне редко ввиду отсутствия у трудящихся-мигрантов денежных средств для его уплаты, а равно постоянной и официальной работы и стабильных источников финансового дохода.

Подчеркнем, что проблема назначения и взимания штрафов гораздо шире и масштабнее: сегодня судебные приставы вынуждены обращаться в суды с требованиями о замене штрафа лишением свободы в отношении каждого второго осужденного, так как последними штрафы не выплачиваются. Между тем расходы и издержки, которые несет ФССП России на процедуры по взиманию штрафов, несопоставимы с реально взысканными суммами, так как превышают их в десятки раз, причем в случае неуплаты штрафа и замены его лишением свободы суды вынуждены дважды рассматривать одно и то же уголовное дело, при этом каждое судебное заседание обходится российской казне в сумму около 18 тыс. р. Все это превращает штраф в непопулярное и неэффективное наказание.

Лишение свободы как вид уголовного наказания, используемый в отношении трудящихся-мигрантов, также малоэффективно и влечет для них более негативные и разрушительные социально-психологические последствия пребывания в местах заключения (часто характеризующиеся в зарубежной криминологической литературе как эффекты и синдромы прижизненной и стигматизации), чем для представителей коренного населения: социальная дезадаптация и дезориентация, культурно-языковые барьеры, установки, привычки, особенности и различия ментального, хозяйственно-бытового и этнопсихологического плана усиливают для мигрантов те тяготы, ограничения, лишения и обременения, с которыми они сталкиваются в местах лишения свободы, благодаря им же они часто становятся объектом издевательств, унижений, притеснения и насмешек со стороны осужденных из числа автохтонов, особенно неоднократно судимых рецидивистов, лидеров преступных группировок и профессиональных преступников. Трудящиеся-мигранты, попавшие в места лишения свободы, более болезненно переживают разрыв социальных связей, так как их родственники, проживающие за границей, не имеют возможности их навещать и

оказывать им помощь, потому как сами испытывают резкое ухудшение материально-имущественного уровня ввиду того, что их кормильцы оказались в исправительных колониях. На них, часто малограмотных и плохо образованных, не разбирающихся в сложившихся и принятых в российских колониях и СИЗО неформальных правилах поведения, в большей степени влияет распространение ценностей и норм криминальной субкультуры ее носителями, а потому они сильнее подвержены вовлечению в криминальную деятельность в качестве сателлитов и исполнителей воли различных авторитетов и лидеров преступного мира, личностной деградации и криминальной аккумуляции.

Пауперизация и маргинальный характер условий существования трудящихся-мигрантов в России, большая часть которых не имеет легального статуса, не только ставят их перед необходимостью добывать средства к существованию незаконным путем, но и подталкивают к частым социальным конфликтам с окружением, соседями, коллегами, работодателями, представителями государственных органов власти и друг с другом; нередко такие бытовые межличностные конфликты переходят в более опасную форму межнациональных и межрелигиозных. Частые проявления ксенофобии, недоброжелательности и пренебрежительности к внешним мигрантам со стороны представителей автохтонного населения обостряют эти противоречия, способствуют эскалации конфликтов и воспроизводят новые.

Неблагополучие, неуверенность в завтрашнем дне, тяжелые и нередко откровенно унижающие достоинство человека социально-бытовые условия и условия труда — низкооплачиваемого, часто изнурительного и небезопасного, сложности, связанные со сменой идентичности, эмоциональная напряженность, повышенная тревожность, переживание психологической травмы, вызванный попаданием в чуждый этнокультурный континуум стресс, трудности привыкания к новой нормативно-ценностной системе, описанные в рамках теории конфликта культур американского ученого-криминолога Торстена Селлина, и ощущение временного, непостоянного пребывания в чуждом для них регионе сокращают возможности и стремление трудящихся-мигрантов к адаптивным форматам общественного поведения, формируют вокруг них своеобразный ореол аутсайдерства, социального изгойства, порождают

эффекты отторжения, геттоизации и синдром стигматизации — навешивания на индивидов неприглядных социальных ярлыков [12, р. 24], которые, как известно из общей теории криминологии, существенным образом способствуют формированию криминальных и агрессивных установок и внутренней готовности человека к противоправным и антисоциальным действиям.

С проблемой криминальной активности трудящихся-мигрантов тесно связана проблема незаконной регистрации последних в квартирах и жилых домах, особенно актуальная для крупных городов России. Так, резонансным стал уголовный процесс над екатеринбуржцем Вячеславом Макеевым, который за десять лет зарегистрировал в собственной квартире за денежную плату около 20 тыс. мигрантов и 20 сентября 2018 г. был осужден судом по ст. 322.3 УК РФ («Фиктивная постанова на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации»). Подсудимому было назначено уголовное наказание в виде штрафа в размере 400 тыс. р., оказавшегося гораздо меньше, чем полученный им незаконный доход: по подсчетам стороны обвинения, за весь период своей деятельности он заработал несколько миллионов рублей.

По нашему мнению, для решения остро стоящей сегодня проблемы так называемых резиновых квартир следует привлекать к юридической ответственности не только собственников данного жилья, но и сотрудников паспортно-визовых и учетно-регистрационных служб, без неправомερных действий либо бездействия которых существование подобных квартир невозможно. Также мы предлагаем законодательно ограничить число зарегистрированных в квартирах и жилых домах лиц, установив строгую зависимость количества зарегистрированных от общего метража жилья (без учета членов семьи собственников), например не более 15 м² на человека.

Отказываться от системы обязательной постановки на учет, которая преследует профилактическую задачу контроля за иностранными работниками по месту их проживания или пребывания, думается, не следует, однако, так как на практике она приводит к злоупотреблениям, коррупции и незаконному обогащению, ее требуется совершенствовать: в частности, необходимо предусмотреть возможность регистрации трудящихся-мигрантов по месту их работы в нежилых помещениях, как это делается в ряде

зарубежных стран, которые также испытывают заметные трудности, связанные с большими потоками внешней миграции.

Противоправную активность трудящихся-мигрантов в России во многом обуславливает и отсутствие того уровня социального контроля, в системе которого они пребывали, находясь на родине: ощущение временной свободы и независимости от конгломерата национальных патриархально-племенных, семейно-родовых, религиозно-этических и социально-нравственных регулятивных норм, обычаев и традиций, особенно у молодых людей, приводит к чувству вседозволенности, притупляет стыд и снижает социальное торможение — ограничение поведения массивом сдерживающих социальных факторов.

Подчеркнем, что существующие в России и поддерживаемые государством и муниципалитетами национальные диаспоры, землячества, общины и различные референтные группы не способны компенсировать или же воссоздать должную систему социального контроля. Одной из ведущих причин этого является то обстоятельство, что семьи трудящихся-мигрантов и иные агенты их первичной и вторичной социализации в подавляющем большинстве случаев остаются на родине, социальные связи с ними прерываются.

Проводимый нами криминологический мониторинг выявил, что среди российских трудящихся-мигрантов преступные посягательства наиболее часто совершают представители молодежи — люди в возрасте от 25 до 35 лет, что характерно для возрастной структуры преступности в целом [13, с. 87; 14, с. 11], однако возглавляют криминальные сообщества, состоящие из мигрантов, лица более старшего возраста — от 40 до 55 лет, что связано с патриархально-родовым и семейно-тейповым укладом жизни в среднеазиатских и закавказских республиках бывшего Советского Союза [15, с. 95]. Этих зрелых преступных лидеров из числа внешних мигрантов отличает наличие большого властного ресурса в среде их соплеменников, членов этнических диаспор, а равно наличие опыта продолжительной криминальной деятельности у себя на родине. Согласно валидным статистическим данным, наиболее часто возглавляемые ими криминальные структуры совершают в России такие групповые преступные деяния, как кражи, грабежи, мошенничества, разбои, фальшивомонетничество, сбыт, перевозка и хранение наркотических средств, контрабанда, незаконный оборот оружия и боеприпасов [16, с. 113].

Помимо тяготения к групповым, коллективным формам криминальной деятельности преступность трудящихся-мигрантов в настоящее время характеризуется высокой степенью латентности, что отмечается в работах многих исследователей [17, с. 49; 18, р. 108], в силу чего большая часть преступных деяний, совершенных на территории Российской Федерации внешними мигрантами, остается неучтенной и нераскрытой.

Современная преступность трудящихся-мигрантов опосредована заметно низкой интенсивностью их общественной адаптации, аккультурации и интеграции в российское социально-культурное пространство. Основными препятствиями на пути протекания этих важных антикриминогенных процессов являются недостаточное знание мигрантами русского языка, элементарных основ действующего российского законодательства, жизненного уклада автохтонного населения, его менталитета, привычек и обыкновений, культивируемых и охраняемых правил поведения в обществе, сложившихся обычаев и устоявшихся традиций в сфере социального взаимодействия, отсутствие масштабного и постоянного межкультурного диалога и эффективного информационного взаимообмена, зрелых и обеспеченных всеми необходимыми ресурсами государственных и муниципальных проектов, программ и подпрограмм, направленных на социализацию, интегрирование и поддержку трудящихся-мигрантов.

Как российские, так и зарубежные авторы справедливо подчеркивают, что чем лучше работник-мигрант адаптирован к местным условиям жизни, чем дольше он находится в стране пребывания и чем больше социально-культурных контактов с представителями принимающего общества он имеет, тем ниже его криминогенный потенциал и склонность к противоправному и девиантному поведению [19, с. 264; 20, р. 206; 21, р. 47; 22, р. 54–55]. В ходе собственных эмпирических разработок мы также пришли к выводу о том, что трудящиеся-мигранты по мере социальной интеграции и адаптации к новым условиям становятся более законопослушными и сравниваются с коренным населением в данном отношении.

Особенностью адаптации к новым социальным условиям является то, что помимо утилитарно-материальной составляющей, включающей обретение оплачиваемой стабильной работы, подходящего жилья, предметов первой необходимости и т.д., она предполагает психологиче-

ский компонент, который выражается во внутреннем осознанном принятии и, что еще важнее, перенятии местных правил общественного поведения и мировоззренческих взглядов коренного населения. И если первая составляющая должна быть обеспечена мерами по улучшению качества жизни и социальной защищенности трудящихся-мигрантов, то вторая требует от принимающего социума поддержки и развития посредством решительного изжития любых проявлений ксенофобии, этнофобии и мигрантофобии — всего, что вызывает взаимную неприязнь, рознь, конфликты и вражду, провоцирует этносоциальную поляризацию и негативно-неприязненное отношение россиян и трудящихся-мигрантов друг к другу.

Для этого, как мы полагаем, государственным и муниципальным органам власти следует использовать широкий спектр мер антинационалистической и антиэкстремистской пропаганды, включающих бесплатные образовательные и культурно-просветительские мероприятия в рабочих коллективах и учебных заведениях, в которых учатся мигранты и члены их семей, на предприятиях и в организациях со сложной межэтнической и межконфессиональной обстановкой, а также поддерживать, развивать и стимулировать выпуск материалов в средствах массовой информации, кино- и видеопродукции, направленных на укрепление идей толерантности, интернационализма, взаимовежливых и добрососедских отношений.

Органам власти необходимо привлекать представителей российского духовенства (муфтиев, улемов (алимов), мулл, имамов, кадиев) к работе с теми трудящимися-мигрантами, которые исповедуют ислам или же являются носителями мусульманской культуры в повседневной жизнедеятельности, с целью профилактики вовлечения их в экстремистскую деятельность и решения психологических проблем, связанных с адаптацией последних, а также некоммерческие неправительственные организации, общественные объединения, землячества и национально-культурные автономии для разрешения конфликтов, споров и других проблем, которые возникают между диаспорами и сообществами трудящихся-мигрантов и коренным населением в российских регионах.

Мы считаем, что в русле проводимой сегодня российским государством либеральной и прогрессивной демографической политики, диктуемой тяжелой трудоресурсной ситуацией и необходимостью привлечения рабочей силы из-за границы (например, все крупные национальные

проекты, такие как АТЭС, Олимпиада в Сочи, строительство нефтепроводов, газопроводов и подготовка к чемпионату мира по футболу 2018 г., реализовывались путем активного привлечения трудящихся-мигрантов), требуется существенно увеличить число совместных культурных, научно-популярных, музыкальных, творческих и спортивных мероприятий с участием трудящихся-мигрантов и представителей автохтонного населения, которые способствуют преодолению целого ряда негативных эффектов существования в диаспорах и локальных национально-религиозных группах, так как постоянное пребывание трудящихся-мигрантов в гомогенных этнических сообществах, как правило, препятствует антикриминальным процессам их общественной адаптации, аккультурации и интеграции.

Именно акценты на активном этнокультурном взаимодействии, общении и обогащении в рамках последовательной и дальновидной политики, которая в нашей стране в бытность СССР именовалась политикой интернационализма, или дружбы народов, имевшей хорошие результаты и формировавшей лишнее ксенофобии поколение советских людей, а сейчас известной под названием политики мультикультурализма (как известно, именно против нее выступил норвежский террорист и неонацист Андерс Беринг Брейвик, ныне отбывающий лишение свободы с возможностью неограниченного продления срока), позволили таким странам, как Норвегия, Дания, Швеция и Нидерланды, резко снизить уровень преступности, связанной с миграционными явлениями.

Мероприятия, о которых ведется речь, имеют большое значение не только для общесоциального, но и для специально-криминологического уровня предупреждения преступности трудящихся-мигрантов: иностранцы, особенно малообразованные, в чужих для них странах, в плохо знакомом, непривычном и малоизвестном социально-культурном окружении проявляют мнительность, повышенную тревожность, настороженность и подозрительность, часто неправильно интерпретируют касающиеся их поступки и намерения представителей местного населения, оценивая их неверно, предвзято, с отрицательной стороны, а также болезненно воспринимают этнокультурные, языковые и ментальные барьеры, что порождает конфликтные ситуации, которые, в свою очередь, приводят к преступлениям. Данные негативные явления из области поведенческой психологии

возможно преодолеть посредством обозначенных выше целенаправленных инициатив.

Подчеркнем, что в отношении трудящихся-мигрантов следует повысить качество воспитательно-разъяснительной и распорядительно-организационной работы в момент их прибытия, постановки на учет, регистрации и оказания иных государственных услуг (например, с целью лучшей социальной адаптации и интеграции иностранцев — выходцев из городов, имеющих городские профессии, следует обеспечивать рабочими местами в городских поселениях, а мигрантов из сельской местности, обладающих аграрными специальностями, — в сельских и деревенских поселениях и т.п.), а также улучшить уровень оказываемой им социальной поддержки и интенсивность социального контроля для того, чтобы увеличить с их стороны степень ответственного и уважительного отношения к социальным нормативам и правилам поведения в принимающем обществе.

Мы поддерживаем обсуждаемую в литературе по криминологии идею создания (возможно, на время до окончательной стабилизации и нормализации ситуации в области миграционных процессов) в Российской Федерации укрупненных специально обученными и подготовленными сотрудниками узкоспециализированных оперативных и высококомбинированных государственных структур (органов миграционного контроля и безопасности быстрого реагирования) по противодействию правонарушениям в миграционной сфере по аналогии с уже сформированными и успешно действующими в тех зарубежных государствах, которые также отличает сложная и противоречивая миграционная обстановка.

Очевидно, что актуальные и злободневные криминологические проблемы особой важности требуют от политической власти задействования соответствующих им особенных, специальных мер и приемов, включая и особых, специальных субъектов их применения и практической реализации.

Перспективной и высокоэффективной формой предупредительно-профилактической деятельности нам представляется выявление посредством использования самых современных технических и организационных методов, приемов и мер (включающих агентурную работу, оперативное внедрение, доскональные проверки, активное взаимодействие с иностранными и межгосударственными правоохранительными структурами, обязательное дактилоскопирование и сбор биометрических данных, фото- и видеофик-

сацию, профайлинг, регулярные рейды, формирование и применение единых информационных баз данных и т.п.) среди потоков трудящихся-мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию из стран с безвизовым порядком въезда, профессиональных преступников, рецидивистов, участников, агентов и сателлитов экстремистских, ультрарадикальных и террористических формирований и организованных преступных сообществ, которые своей крайне вредоносной и разрушительной активностью формируют у российских граждан опасное, обманчивое негативное представление обо всех остальных внешних мигрантах, большинство из которых составляют мирные и трудолюбивые люди.

В целом же, резюмируя изложенное, можно сделать общий вывод о том, что в настоящее время государственной властью в сфере проти-

водействия преступности трудящихся-мигрантов большее внимание уделяется вопросам уголовной, нежели криминологической политики: репрессивно-карательные формы и средства в данном противостоянии преобладают над профилактическими (к числу которых в затронутом направлении прежде всего следует отнести интеграционно-адаптационную, духовно-этическую и образовательно-просветительскую активность, а также полномасштабное межнациональное и межкультурное общение). Несмотря на то что криминологические меры, как и все профилактические меры в целом, являются более трудоемкими, сложными и затратными в ресурсном и организационно-обеспечительном отношении, они, как мы полагаем, обладают лучшим предупредительным потенциалом, нежели ретроспективные уголовно-правовые меры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габдрахманова Г.Ф. Роль миграции в преобразовании этнической структуры Татарстана / Г.Ф. Габдрахманова // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 62–68.
2. Нуралиев Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию / Н.Н. Нуралиев // Социологические исследования. — 2005. — № 8. — С. 68–72.
3. Щедрина О.В. Возможна ли мультикультуральная модель интеграции мигрантов в России? / О.В. Щедрина // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 67–74.
4. Корсаков К.В. Адекватность и соразмерность превенции — залог успеха в борьбе с современной организованной преступностью / К.В. Корсаков // Правоохранительные органы: теория и практика. — 2015. — № 1. — С. 19–22.
5. Телкова Е.М. Гастарбайтеры в России — благо или зло? / Е.М. Телкова // Правовой меридиан. — 2017. — № 5. — С. 18–24.
6. Дмитриев А.В. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты / А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 86–94.
7. Корсаков К.В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине / К.В. Корсаков. — Новоуральск : Диалог, 2006. — 192 с.
8. Antonova V.K. Great Britain is doomed to multiculturalism or is the multiculturalism in Great Britain doomed? / V.K. Antonova // Journal of Social Policy Researches. — 2003. — № 2. — P. 219–220.
9. Currie E. Crime and punishment in America / E. Currie. — New York : Picador, 2013. — 288 p.
10. Бритвина И.Б. Отношение жителей провинциального города к вынужденным мигрантам / И.Б. Бритвина // Социологические исследования. — 2006. — № 2. — С. 117–119.
11. Прудникова Т.А. Трудовая миграция как массовое явление в современном мире / Т.А. Прудникова // Вестник Московского университета МВД России. — 2006. — № 1. — С. 31–32.
12. Christie N. Conflicts as property / N. Christie // British Journal of Criminology. — 1997. — № 17. — P. 1–26.
13. Корсаков К.В. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах / К.В. Корсаков, И.А. Жилко. — Екатеринбург : Ажур, 2013. — 136 с.
14. Бойченко О.А. Основные направления предупреждения преступности незаконных мигрантов в условиях сверхкрупного города : учеб. пособие / О.А. Бойченко. — М. : Макс Пресс, 2004. — 33 с.
15. Корсаков К.В. Принцип равновозмездности в феномене уголовного наказания / К.В. Корсаков // Государство и право. — 2015. — № 6. — С. 93–97.
16. Преступность мигрантов-иностранцев и ее предупреждение / Г.В. Антонов-Романовский [и др.]. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 208 с.
17. Бриллиантов А.В. Организация незаконной миграции / А.В. Бриллиантов // Российский следователь. — 2005. — № 5. — С. 48–50.
18. Palmqvist L. International labor migration and its contribution to economic growth. A case study of labor immigration to Canada / L. Palmqvist. — Toronto : Lund University, 2007. — 261 p.
19. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ / ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова. — М. : Юриспруденция, 2012. — 496 с.
20. Marsden L. The migrant wife: the worst of all worlds / L. Marsden, L. Tepperman // Journal of Business Ethics. — 1985. — № 4. — P. 205–213.
21. Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal / H. Zlotnic // International Migration. — 1999. — № 37. — P. 21–61.

22. Pajo E. International migration, social demotion and imagined advancement. An ethnography of socioglobal mobility / E. Pajo. — New York : Springer, 2008. — 214 p.

REFERENCES

1. Gabdrakhmanova G.F. Migration Role in Reshaping Tatarstan Ethnic Structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004, no. 6, pp. 62–68. (In Russian).
2. Nouraliev N.N. Labor Migration Issues — Tajikistan-Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2005, no. 8, pp. 68–72. (In Russian).
3. Shchedrina O.V. Is Multicultural Model Feasible to Integrate Migrants in Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004, no. 11, pp. 67–74. (In Russian).
4. Korsakov K.V. The Adequacy and Appropriateness of Prevention — the Key to Success in the Fight Against Modern Organized Crime. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law Enforcement Bodies: Theory and Practice*, 2015, no. 1, pp. 19–22. (In Russian).
5. Telkova E.M. Guest workers in Russia — good or evil? *Pravovoi meridian = Legal Meridian*, 2017, no. 5, pp. 18–24. (In Russian).
6. Dmitriev A.V., Piadukhov G.A. Working Migrants' Ethnic Groups and Receiving Society: Interaction, Tensions, and Conflicts. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 9, pp. 86–94. (In Russian).
7. Korsakov K.V. *Model' vozmezdiya v kriminologii i ugolovno-pravovoi doktrine* [The Model of Retribution in Criminology and Criminal Law Doctrine]. Novouralsk, Dialog Publ., 2006. 192 p.
8. Antonova V.K. Great Britain is doomed to multiculturalism or is the multiculturalism in Great Britain doomed? *Journal of Social Policy Researches*, 2003, no. 2. pp. 219–220.
9. Currie E. *Crime and Punishment in America*. New York, Picador, 2013. 288 p.
10. Britvina I.B. The attitude of provincial city residents to forced migrants. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 2, pp. 117–119. (In Russian).
11. Prudnikova T.A. Labor migration as a mass phenomenon in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2006, no. 1, pp. 31–32. (In Russian).
12. Christie N. Conflicts as property. *British Journal of Criminology*, 1997, no. 17, pp. 1–26.
13. Korsakov K.V., Zhilko I.A. *Penitentsiarnyi trud v sledstvennykh izolyatorakh* [Penitentiary Labor in Detention Facilities]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2013. 136 p.
14. Boichenko O.A. *Osnovnye napravleniya preduprezhdeniya prestupnosti nezakonnykh migrantov v usloviyakh sverkhkrupnogo goroda* [Key Directions of Preventing Crimes of Illegal Migrants in Mega-Cities]. Moscow, Maks Press Publ., 2004. 33 p.
15. Korsakov K.V. Principle of Equal Retribution in the Phenomenon of Criminal Punishment. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2015, no. 6, pp. 93–97. (In Russian).
16. Antonov-Romanovskii G.V., Koimshidi G.F., Litvinov A.A., Chirkov D.K. *Prestupnost' migrantov-inostrantsev i ee preduprezhdenie* [Crimes of Migrants and their Prevention]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 208 p.
17. Brilliantov A.V. Organization of illegal migration. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2005, no. 5, pp. 48–50. (In Russian).
18. Palmqvist L. *International labor migration and its contribution to economic growth. A case study of labor immigration to Canada*. Toronto, Lund University, 2007. 261 p.
19. Vlasov I.S., Golovanova N.A. (eds.). *Immigration and Crime: a Comparative Analysis*. Moscow, Jurisprudence Publ., 2012. 496 p.
20. Marsden L., Tepperman L. The migrant wife: the worst of all worlds. *Journal of Business Ethics*, 1985, no. 4, pp. 205–213.
21. Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal. *International Migration*, 1999, no. 37, pp. 21–61.
22. Pajo E. *International migration, social demotion and imagined advancement. An ethnography of socioglobal mobility*. New York, Springer, 2008. 214 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корсаков Константин Викторович — старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент кафедры финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат юридических наук, доцент, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: korsakovekb@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корсаков К.В. Эффективные формы и средства предупреждения криминальной активности трудящихся-мигрантов в России / К.В. Корсаков // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 455–464. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korsakov, Konstantin V. — Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ass. Professor, Chair of Financial and Tax Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: korsakovekb@yandex.ru.

FOR CITATION

Korsakov K.V. Effective forms and means of preventing criminal activity of migrant workers in Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 455–464. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464. (In Russian).